

УДК 343.2
DOI 10.36511/2078-5356-2020-3-288-294

Тихонова Светлана Сергеевна
Svetlana S. Tikhonova

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, член Российской криминологической ассоциации

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (603950, Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23)

candidate of sciences (law), associate professor, associate professor of the department of criminal law and procedure, faculty of law, member of the Russian criminology organization

National research Lobachevsky State university of Nizhny Novgorod (23 Gagarina av., Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: sstikhonova@yandex.ru

Гражданская самозащита на стыке теории права и уголовного законодательства. Рецензия на монографию С.Ф. Милюкова, Ю.В. Зуевой «Необходимая оборона в системе мультиправового института самозащиты: доктрина, практика, техника» (М.: Проспект, 2021)

Civil self-defense at the intersection of theory, law, and criminal law. Review of the monograph by S.F. Milyukov, Yu.V. Zueva “Necessary defense in the system of the multi-legal Institute of self-defense: doctrine, practice, technique” (Moscow: Prospect Publ., 2021)

В отечественной науке уголовного права — в монографической литературе и юридической периодике — институту необходимой обороны уделялось и продолжает уделяться достаточное внимание. В настоящей монографии предпринята попытка соединения концепции института необходимой обороны, освещаемой в работах профессора С.Ф. Милюкова, с общетеоретическими взглядами соавтора — Ю.В. Зуевой, приносящей «свежую струю» в оценку положений уголовного законодательства Российской Федерации с позиций практикующего юриста.

С первых же страниц работы авторы рецензируемого научного труда подвергают осмыслению наблюдающийся в отечественной правоприменительной практике обвинительный уклон при оценке действий лиц, ссылающихся на поведение в состоянии необходимой обороны (с. 13), процессы нарастающего отчуждения между населением и правоохранительными структурами (с. 16), снижения эффективности уголовно-правового регулирования, обусловленного коррумпированностью последних (с. 27), фальсификации их деятельности.

Так, С.Ф. Милюковым и Ю.В. Зуевой критически оцениваются данные современной официальной судебной статистики. На страницах издания предлагается концентрированное изложение результатов анализа авторами негативной практики проведения «маскирующей» квалификации содеянного, когда вместо убийств, разбоя и захвата заложников виновным вменяются грабежи и хулиганства (с. 11). Не меньшей критике исследователей подвергается и современная отечественная практика применения принудительных мер медицинского характера (с. 30), уровень производственного травматизма на предприятиях (с. 72), уровень самоубийств, вызываемых социально-экономическими причинами (с. 115) и другие сферы и показатели.

Известно, что в настоящее время в отечественной уголовно-правовой науке отсутствует однозначное решение вопроса относительно количества и содержания условий правомерности необходимой обороны. Констатируя стрессовость и скоротечность ситуации необходимой обороны для обороняющегося, С.Ф. Милюков последовательно отстаивает в своих работах

© Тихонова С.С., 2020

идею минимализации количества условий правомерности необходимой обороны, нашедшую отражение и в рецензируемом совместном научном труде. Так, вместо традиционных шести выделяемых в отечественной уголовно-правовой науке условий правомерности необходимой обороны, относящихся к посягательству (общественная опасность посягательства; действительность (реальность) посягательства; наличность посягательства) и к защите (защита охраняемых законом социальных ценностей; причинение вреда только посягающему; соразмерность защиты и посягательства), в настоящем издании называются только 4 (с. 25—26).

Характеризуя *общественную опасность посягательства* как условие правомерности необходимой обороны, С.Ф. Милюков и Ю.В. Зуева не отождествляют ее с «преступностью» посягательства (с. 28), включая в понятие общественно опасного посягательства и такие его формы, как невиновное причинение вреда. В перечне вопросов, касающихся характеристики субъекта, общественно опасное поведение которого порождает право на необходимую оборону, особый акцент поставлен авторами монографии на возрастных параметрах данного лица (с. 31).

Рассматривая на страницах работы *преступные проявления общественно опасного посягательства*, исследователи, фактически поддерживая позицию Пленума Верховного Суда РФ, выраженную в пункте 3 постановления от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», относят к общественно опасному посягательству наряду с насильственными умышленными преступлениями (нападениями) ненасильственные преступления, совершаемые с прямым и с косвенным умыслом, а также по неосторожности (с. 35—36, 39—40). При этом С.Ф. Милюков и Ю.В. Зуева акцентируют особое внимание на допустимости необходимой обороны от «телефонного терроризма» (с. 62) и таких форм хищения, как кража, мошенничество, присвоение и растрата (с. 59—61). Рассматривая же неосторожные преступления в качестве общественно опасных посягательств, порождающих право на необходимую оборону, авторы рецензируемого научного труда анализируют их фактическую составную конструкцию: административное правонарушение + общественно опасное последствие, предусмотренное уголовным законом. Опираясь на данную конструк-

цию, основанием для возникновения права на необходимую оборону исследователи признают не само неосторожное преступление в целом, а включенное в состав неосторожного преступления административное правонарушение, фактически противореча постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», в пункте 5 которого оговаривается недопустимость необходимой обороны от мало-значительного посягательства, каковым для уголовного права традиционно является административное правонарушение. В качестве концептуального вывода на страницах настоящего издания указывается, что «ст. 37 УК РФ представляет собой универсальную основу для обороны от всех возможных правонарушений» (с. 38), в том числе от управляемого поведения животных (с. 57).

В рамках анализа проблемы определения *наличности общественно опасного посягательства* как условия правомерности необходимой обороны в монографии представлены авторские примеры наличия посягательств, совершаемых организованными преступными группами, в том числе бандами (с. 44). Однако, по-видимому, исповедуя «принцип экономичности текста», концентрированно излагая собственную позицию относительно пределов наличности общественно опасных посягательств, С.Ф. Милюков и Ю.В. Зуева не включают в текст своей работы систему аргументов, свидетельствующих о правильности занимаемой научной позиции. В то же время, опираясь на многочисленные труды отечественных ученых по проблематике обстоятельств, исключающих преступность деяния, предлагающих собственное понимание пределов наличности, авторы не стесняются в оценках тех позиций коллег, которые не разделяют, категорично рассматривая их в качестве ошибочных (с. 42—43 и др.). Но в целом, за редким исключением, теоретический материал в настоящем издании подается комбинированно: теоретическое положение — доказательства его оптимальности (данные научных исследований) и целесообразности его практической реализации — практические рекомендации законодателю и правоприменителю.

Рассматривая в качестве одной из важнейших задач государства *расширение сферы применения института необходимой обороны*, исследователи обращаются к определению территориальных пределов его применения

и специфике форм защиты от общественно опасных посягательств, включая в них (на примере борьбы с «телефонным терроризмом») «разнообразные меры внесудебной репрессии — начиная от физического уничтожения «телефонистов» (если они вещают с территорий, контролируемых террористическими организациями) до разрушения соответствующей инфраструктуры (средств связи, помещений, транспорта и т. п.)» (с. 64). Отмечая, что в современной России «в условиях нарастания количественного и качественного превосходства преступного мира над силовыми структурами государства» (с. 41) особую актуальность приобретают проблемы эффективности оборонительных действий населения по противостоянию преступным посягательствам (так называемая «частная охрана правопорядка», дополняющая правоохранительную деятельность государства), С. Ф. Миллюков и Ю. В. Зуева осуществляют попытку донести до читателя систематизированную информацию о характере допустимого защитного поведения, обладающего статусом непроступного.

Так, становится очевидно, что научно-технический прогресс приводит к лавинообразному потоку конструирования технических приспособлений различного целевого назначения, в частности, защищающих жилище и территорию граждан и организаций. В этой связи научная основательность монографии достаточно отчетливо проявляется при оценке допустимости использования данных приспособлений, способных причинить вред не только посягающему лицу, но и лицу, действующему невиновно (с. 54). В то же время нельзя не отметить, что первоначально категорично относя к числу специфических методов необходимой обороны только «активное физическое воздействие на посягающего и (или) на его имущество» (с. 37), впоследствии на страницах работы авторы вступают в противоречие с указанной позицией, включая в разряд допустимых методов необходимой обороны также *информационное воздействие* на посягающих, например, «посредством передачи им достоверной информации об аресте (ликвидации) главарей, захвате мест базирования банды и транспортных средств, на которых нападающие намеревались скрыться» (с. 52—53).

Наибольший научно-практический интерес в параграфе 2 «Необходимая оборона» представляет обращение исследователей к проблематике превышения пределов необходимой обороны (с. 58). Во-первых, в рамках рассмотре-

ния данного вопроса внимание читателя акцентируется на перечне преступных посягательств, при совершении которых, по мнению С. Ф. Миллюкова и Ю. В. Зуевой, ответные действия обороняющегося не должны рассматриваться как превышающие какие-либо пределы, то есть могут быть сколь угодно жесткими, включая причинение смерти посягающему (с. 66). Во-вторых, при совершении иных посягательств, не включенных в соответствующий перечень, вопрос о превышении пределов необходимой обороны может быть поставлен перед правоприменителем, по мнению авторов, только в случае причинения посягающему смерти или тяжкого вреда здоровью, так как законодатель «криминализирует эксцесс обороны, начиная с необоснованного причинения тяжкого вреда здоровью посягающего» (с. 68), но никак не меньшей степени тяжести (указанный подход полностью соответствует п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»). В-третьих, не навязывая собственной позиции по дискуссионному вопросу о целесообразности исключения уголовной ответственности за незаконный оборот оружия в случае использования его в состоянии необходимой обороны, исследователи позволяют читателю понять точки зрения ученых относительно уголовно-правовых последствий такой формы обороны (с. 70) и избрать наиболее рациональный вариант решения данного вопроса.

На концептуальный уровень научного осмысления в параграфе 2 «Необходимая оборона» выведена проблематика включения необходимой обороны в круг обязанностей правоохранительных органов (с. 24). Кроме того, С. Ф. Миллюков и Ю. В. Зуева уделяют значительное внимание уголовно-правовым последствиям провокации преступления сотрудниками правоохранительных органов (с. 48). Авторский взгляд на допустимость провоцирующего поведения как основания для последующего применения в отношении провокатора положений статьи 37 УК РФ «Необходимая оборона» и статьи 38 УК РФ «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление» проиллюстрирован яркими примерами провокации «педофилов» на совершение ненасильственных половых преступлений в отношении несовершеннолетних (с. 49).

Учитывая сложность теории необходимой обороны из-за неоднозначности существую-

щих в отечественной уголовно-правовой науке подходов к определению содержания условий ее правомерности, на протяжении всего параграфа 2 «Необходимая оборона» исследователи иллюстрируют собственную теоретическую позицию примерами из правоприменительной практики, стараясь в каждом конкретном случае анализировать достоинства и недостатки проведенной правоприменителем квалификации (с. 15 и др.). Примеры с убийствами и расчленениями не оставят читателя равнодушным (с. 32—34 и др.).

Выполняя задачу постановки перед читателем наряду с проблемой функционирования института необходимой обороны также проблемы, относящейся к смежному институту — крайней необходимости, С.Ф. Милюков и Ю.В. Зуева отводят значительное место в параграфе 3 «Крайняя необходимость» вопросу о разновидностях источника опасности как основания возникновения состояния крайней необходимости. Страницы рецензируемого научного труда поистине «наводнены» описанием в качестве примера источника опасности «крымского потопа» (с. 73) и насыщены большим количеством других ярких примеров (с. 78) и антипримеров (с. 74).

Известно, что условия правомерности крайней необходимости могут быть разделены на две группы: (1) относящиеся к источнику опасности и (2) определяющие правомерность применения мер крайней необходимости при коллизии правоохраняемых интересов. При этом к первой группе традиционно относятся (1) действительность (реальность) опасности, (2) наличие опасности и (3) неустранимость опасности иными средствами, ко второй — (1) защита охраняемого уголовным законом интереса, (2) причинение вреда третьим лицам, (3) причинение вреда меньшего, нежели предотвращенный.

Полемика рецензента настоящего издания с одним из ее соавторов — профессором С.Ф. Милюковым относительно такого условия правомерности крайней необходимости, как действительность (реальность) опасности насчитывает около 20 лет. Так, мнение С.Ф. Милюкова о том, что наличие опасности охватывает собой и действительность (реальность) опасности, каковая не нуждается в самостоятельном выделении [1, с. 17—18], подвергалось критике в кандидатской диссертации рецензента, утверждавшего (и продолжающего отстаивать данную позицию), что действительность (реальность) опасности характеризует сам факт ее суще-

ствования для правоохраняемых интересов, а наличие опасности характеризует ее временные рамки, в связи с чем данные условия правомерности должны рассматриваться отдельно [2, с. 121]. Наличествующая опасность должна быть непосредственно угрожающей либо непосредственно имеющейся и явно не миновавшей. Не следует говорить о наличии опасности, когда ее возникновение возможно только в относительно отдаленном будущем. В этом случае отсутствуют исключительные условия экстремальности, из-за которой в состоянии крайней (!) необходимости допускается причинение вреда третьим лицам, не имеющим отношения к источнику опасности, и следует принимать предупредительные меры иного вида. Однако С.Ф. Милюков и Ю.В. Зуева занимают иную позицию, признавая опасность наличествующей несмотря на то, что «реализация возникшей угрозы несколько отсрочена по времени (отрезанные снегопадом в горах альпинисты имеют 3-дневный запас продуктов, окруженные бандитами сотрудники полиции получили несколько часов на выполнение ультимативных требований и т. д.)» (с. 75).

В соответствии с частью 2 статьи 39 УК РФ причиненный в состоянии крайней необходимости вред охраняемым уголовным законом интересам третьих лиц не должен явно не соответствовать характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, не должен быть равным или более значительным, нежели предотвращенный. Таким образом, в УК РФ установлен объективный критерий, по которому проводится сопоставление правоохраняемых интересов и оценка их с позиции более и менее важного интереса. В этой связи уголовно-правовые последствия причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам третьих лиц оцениваются авторами монографии в зависимости от успешности действий лица по достижению цели устранения опасности и предотвращения большего вреда по сравнению с причиненным и варьируются от исключаящих уголовную ответственность и освобождающих от нее до смягчающих наказание (с. 79). Однако в статье 39 УК РФ законодатель указывает необходимую форму вины при превышении пределов крайней необходимости, наличие которой влечет наступление уголовной ответственности для субъекта — умысел. Следовательно, ошибочная оценка лицом тяжести предотвращенного и причиненного вреда при фактическом причинении более тяжкого вреда должна рассматриваться по правилам о фактической ошибке. Если

лицо добросовестно полагало, что избранный им способ должен привести к положительному результату, его ответственность исключается ввиду отсутствия вины: превышение пределов крайней необходимости по неосторожности в соответствии с частью 2 статьи 39 УК РФ не влечет уголовной ответственности.

Нельзя обойти вниманием и материал работы, посвященный анализу допустимости причинения смерти в состоянии крайней необходимости. На основе обобщения различных теоретических позиций и практических примеров исследователями представлен вывод о необходимости количественного соотношения уничтожаемых и спасаемых человеческих жизней, в связи с чем «принесение в жертву одной или даже нескольких человеческих жизней» для спасения нескольких сотен человек рассматривается ими как вполне оправданное с позиций уголовного закона (с. 77).

При рассмотрении проблематики смежного с институтом необходимой обороны института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, в первую очередь в рецензируемом научном труде идет речь о сложности определения субъектами задержания преступного характера совершенного задерживаемым деяния, выступающего в качестве условия правомерности задержания (с. 84, 86—87). Обращаясь к логико-структурному анализу условий правомерности задержания лица, совершившего преступление, С. Ф. Милюков и Ю. В. Зуева указывают на отсутствие данного обстоятельства, исключающего преступность деяния, в ситуации насильственного сопротивления задерживаемого (с. 89), а также вооруженности задерживаемого (с. 90), порождающих состояние необходимой обороны. Большое внимание уделяется авторами настоящего издания вопросу о недопустимости причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, третьим лицам (с. 91). Основываясь на положениях УК РФ об уголовной ответственности за причинение смерти, тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, исследователи приходят к важному выводу о том, что «превышение мер, необходимых для задержания, не может выражаться в причинении легкого вреда здоровью задерживаемого» (с. 92).

Параграф 4 «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление» охватывает и вопросы, относящиеся к целевому назначению данного обстоятельства, исклю-

чающего преступность деяния, — доставление органам власти (промежуточная цель) и (не «или»!) пресечение возможности совершения задерживаемым новых преступлений (конечная цель). Уяснение логики законодательных предписаний статьи 38 УК РФ «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление», тем не менее позволяет С. Ф. Милюкову и Ю. В. Зуевой осмысленно, профессионально ответственно интерпретировать соответствующие нормативные предписания, допуская причинение смерти задерживаемому (с. 94), то есть не оказывающему насильственного сопротивления и не вооруженному лицу (поскольку, как отмечалось выше, насильственное сопротивление и вооруженность задерживаемого образует, по мнению авторов, состояние необходимой обороны, а не задержания лица, совершившего преступление), что вызывает вопросы в силу логической противоречивости соответствующих утверждений.

Значительное место в *параграфе 5 «Иные обстоятельства, исключающие преступность деяния»* отведено проблемам определения сфер применения обоснованного риска (с. 108) — правомерного поставления в опасность охраняемых законом интересов в целях достижения общественно полезного или предотвращения общественно вредного результата. Известно, что в зависимости от сферы применения обоснованного риска в отечественной уголовно-правовой науке риск классифицируется на профессиональный, хозяйственный, технико-эксплуатационный и т. д. Изучение законодательной формулировки положений об обоснованном риске (ст. 41 УК РФ) позволило исследователям продемонстрировать возможность использования данного обстоятельства, исключающего преступность деяния, для оценки поведения сотрудников правоохранительных органов в ситуации освобождения заложников (с. 102). Не вызывает сомнения утверждение С. Ф. Милюкова и Ю. В. Зуевой о том, что «риск не должен превращаться в авантюру, грозящую крахом и причинением серьезного вреда охраняемым интересам» (с. 103). Однако сложно сказать, насколько способствует уяснению законодательных положений об обоснованном риске и устранению неясностей, которые возникают при языковой интерпретации соответствующих нормативно-правовых предписаний, приведенный авторами в монографии пример «подмосковного боестолкновения» (с. 104).

Рассматривая положения статьи 42 УК РФ «Исполнение приказа или распоряжения», ис-

следователи относят соответствующее обстоятельство, исключающее преступность деяния, к *частному случаю невинного причинения вреда* (с. 99). Приводимые в работе легко запоминающиеся читателю примеры исполнения приказа и распоряжения (с. 100) свидетельствуют о творческом подходе С.Ф. Милюкова и Ю.В. Зуевой к выборке данных примеров из богатой эмпирической базы проведенного ими совместного исследования.

Параграф 5 «Иные обстоятельства, исключающие преступность деяния» содержит не только обращение к определению условий правомерности обстоятельств, предусмотренных действующим УК РФ, но включает и краткий обзор обстоятельств, обсуждаемых в уголовно-правовой доктрине, в числе которых — согласие потерпевшего.

Как правило, в теории российского уголовного права согласие потерпевшего признается обстоятельством, устраняющим общественную опасность и противоправность деяния, если оно дано лицом, способным отдавать себе отчет в своих действиях, в пределах его прав (т. е. только при посягательстве на те блага и интересы, которые находятся в свободном распоряжении потерпевшего), было свободным волеизъявлением и не преследовало общественно вредных целей. Однако авторы рецензируемого научного труда выступают категорическими противниками идеи «нельзя запрещать людям вредить самим себе» [3, с. 404] и высказывают аргументы против введения в УК РФ нормы о причинении вреда с согласия лица, способной породить не только дезориентацию правоприменителя (в чьи обязанности будет входить доказывание отсутствия согласия лица на совершение преступления в его отношении), но и массовое принуждение потерпевших (например, «при помощи коррумпированных эскулапов с их арсеналом психотропных медикаментов и психотерапевтических приемов») к даче согласия на совершение преступления (с. 111—112).

Нельзя не отметить, что научные знания о содержании условий правомерности согласия потерпевшего и иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, не предусмотренных УК РФ, соединяются в настоящем издании с *обобщенным практическим опытом зарубежных государств* — членов ЕАС (с. 113—114), который может представлять для читателя особый интерес.

Рассматривая в качестве приоритетной задачи вторичного правотворчества в уголовно-правовой сфере сохранение сформированных

в процессе кодификации отечественного уголовного законодательства правовых институтов, отраженных в системе его рубрикации, следует приветствовать отказ исследователей от идеи включения в институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, положений о невменяемости и недостижении возраста уголовной ответственности субъекта преступления (с. 20). В то же время заслуживает внимания предложение С.Ф. Милюкова и Ю.В. Зуевой перенести часть нормативных предписаний, содержащихся в главе 8 УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния», в главу 5 УК РФ «Вина» и главу 7 УК РФ «Соучастие в преступлении» в целях оптимизации процесса правоприменения (с. 101). Подобное распределение указанных уголовно-правовых предписаний по многоуровневым классификационным группам Общей части УК РФ (правовым институтам) в зависимости от их целевого внутритраслевого назначения произведено авторами в полном соответствии с *юридико-техническим правилом систематизации нормативного материала в границах кодифицированного уголовного закона* [4, с. 82].

Помимо доктринальной интерпретации предусмотренного действующим отечественным кодифицированным уголовным законом правового материала и предложений по перераспределению последнего, авторы монографии включили в перечень исследовательских вопросов и *создание новых юридических конструкций*, направленных на совершенствование содержания и формы права, предложив вниманию читателя соответствующие текстовые компоненты: модель части 3 статьи 38 «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление» (с. 95); модель статьи 38¹ УК РФ «Задержание мнимого посягателя» (с. 88); модель статьи 39¹ УК РФ «Правомерная провокация» (с. 50—51) и др.

Многообразие излагаемых в монографии научных позиций как по проблематике необходимой обороны и иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, так и по вопросам, выступающим в качестве смежных (методологическая основа определения уровня латентности преступности в Российской Федерации (с. 10); типы правопонимания в отношении легального определения преступления в кодифицированном уголовном законе (с. 19); авторская оценка законодательно определенной степени тяжести ряда преступных деяний в действующем УК РФ (с. 67); концепция уголовно-процессуального законодательства, обеспечивающего действие

РЕЦЕНЗИИ

уголовно-правовых предписаний (с. 110) и мн. др.) способно оказать на читателя не только информационное воздействие, но и способствовать поиску и определению личностных смыслов и ценностных отношений в сфере правового регулирования, в связи с чем *совместный научный труд С.Ф. Милюкова и Ю.В. Зуевой рекомендуется рецензентом к прочтению.*

Примечания

1. Милюков С. Ф. Обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния. СПб.: Знание, 1998.
2. Тихонова С.С. Уголовно-правовое регулирование посмертного и прижизненного донорства в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001.
3. Лазарев В.В. Запрет и дозволение как технико-юридические способы формулирования правовой нормы // Проблемы юридической техники / отв. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: Нижполиграф, 2000.
4. Тихонова С.С. Юрико-технические правила (требования), средства, приемы и методы (способы)

бы) в механизме уголовно-правового регулирования // Механизм правового регулирования: история и современность: V Алексеевские чтения / отв. ред. В.Д. Перевалов. Екатеринбург: Изд-во УрГЮУ, 2019. Ч. 2.

References

1. Milyukov S.F. Circumstances that exclude the public danger of the act. Saint Petersburg: Znanie Publ., 1998. (In Russ.)
2. Tikhonova S.S. Criminal law regulation of postmortem and lifetime donation in the Russian Federation. Dissertation... candidate of legal sciences. Nizhy Novgorod, 2001. (In Russ.)
3. Lazarev V.V. Prohibition and permission as technical and legal ways to formulate a legal norm. *Problems of legal technology* / ed. V.M. Baranov. Nizhy Novgorod: Nizhpoligraf Publ., 2000. (In Russ.)
4. Tikhonova S.S. Legal and technical rules (requirements), tools, techniques and methods (methods) in the mechanism of criminal law regulation. *Mechanism of legal regulation: history and modernity: V Alekseyev readings* / ed. by V.D. Perevalov. Ekaterinburg: publishing house of the USUE, 2019. Part 2. (In Russ.)